

Сакральные культурные ландшафты в контексте Севильской стратегии по биосферным резерватам: проблемы и перспективы

Кулешова Марина Е.

*Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева,
Москва*

Севильская стратегия по биосферным резерватам содержит три цели, одна из которых: «Использование биосферных резерватов для сохранения природного и культурного разнообразия». За биосферными резерватами закреплены три функции, в том числе – функция сохранения ландшафтов, экосистем, биологических видов, генетических ресурсов. В основе Севильской стратегии лежат положения, включающие необходимость «установить тесную взаимосвязь между культурным и биологическим разнообразием», а также сохранять традиционные знания. Биосферные резерваты «должны способствовать сохранению и использованию природных и культурных ценностей», окружающая среда в контексте Севильской стратегии понимается как природная и культурная. Исходя из вышеизложенного и учитывая, что природные и культурные ценности являются объектами наследия, которые в своём взаимодействии и взаимосвязи на территориальном уровне образуют культурные ландшафты, можно заключить, что концепция культурного ландшафта как феномена наследия, провозглашенная в руководящих документах ЮНЕСКО по Всемирному наследию (Operational Guidelines ...) и целевые установки Севильской стратегии - руководящего документа ЮНЕСКО по биосферным резерватам, имеют много общих позиций и взаимно обогащают друг друга.

Культурный ландшафт - природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социо-культурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. В зависимости от типа культуры, а также характера социокультурной и хозяйственной деятельности формируются различные типы культурного освоения местности и, соответственно, типы культурных ландшафтов, в ряду которых – ландшафты сакральные, к которым мы относим все те территориальные комплексы, культурная ценность которых определяется наличием священного смысла и/или культового назначения (Культурные...). Таковы разнообразные святые и священные места, святилища, некрополи и иные места захоронений, места отправления религиозных обрядов. Они сформировались под действием и предназначены для отправления определённых религиозных культов, развития духовных практик, исполнения треб. Далеко не всегда эти виды деятельности становятся ведущими в культурном освоении пространства, их воздействие может ограничиваться наличием точечных сакральных мест и не захватывать целостный территориальный комплекс, соотносимый с ландшафтными категориями. В других ситуациях сакральный ландшафт может быть тождественен сакральному месту (Sacred Site), либо сакральные места могут служить семантическими центрами такого ландшафта. В отличие от культурного ландшафта сакральное место не претендует быть территориальным комплексом, это может быть точечный объект – камень, дерево, родник, и пр., обременённые сакральными функциями.

Сакральные места, которые охватывают целостный географический топос – гору, долину, рошу, перевал, остров, озеро и т.д. и пр., являются тождественными сакральным ландшафтам. Помимо географических топосов, сакральный ландшафт может быть сформирован системой перекликающихся сакральных точечных объектов, а также зонами табуированного влияния одного или нескольких объектов. Сакральные места, являющиеся

ключевыми точками семантического поля культурного ландшафта, представляют собой как правило центры культовых практик и религиозной активности – они определяют направленность развития всего ландшафта и его морфологические черты. Такие объекты в изобилии представлены во Всемирном наследии, интерес к ним растёт, в некоторых случаях номинации официально отнесены к культурным ландшафтам, но многие ландшафтные объекты не имеют такого официального статуса, то есть они являются латентными сакральными культурными ландшафтами. О проблеме соответствия сакрального места и сакрального ландшафта немало говорилось на международном симпозиуме в Токио в 2005г., посвящённом сакральным местам и ландшафтам (*Conserving cultural...*). Ориентация на отдельные сакральные объекты в мировом наследии зачастую приводит к усечению предметной ценности таких объектов, рассматриваемых вне связи с вмещающим ландшафтом, которому они принадлежат (*Ken Taylor...*). На настоящее время из 644 объектов Всемирного культурного наследия к сакральным ландшафтам по результатам проведённого нами анализа могут быть отнесены по характерным признакам более 60, из них официально признанными культурными ландшафтами являются только 9.

В странах Восточной Азии взаимосвязь природных и культурных ценностей хорошо прослеживается на уровне Всемирного наследия в номинациях Китая и Японии, чего нельзя сказать о России, Монголии и Корее. Китай буквально исповедует ландшафтный подход к наследию, хотя ни одного официально признанного культурного ландшафта в китайских номинациях нет, как не встречается и самого термина «культурный ландшафт». Тем не менее к сакральным ландшафтам всемирного значения в Китае могут быть отнесены 4объекта.¹ Япония наряду с Китаем демонстрирует ландшафтный подход к выдвигению сакральных объектов во Всемирное наследие.² От Кореи во Всемирном наследии довольно широко представлены отдельные сакральные объекты – храмы, монастыри, захоронения, однако с природными особенностями мест их размещения они не соотносятся – во всяком случае краткие описания номинаций не содержат такой информации. От Монголии совместно с Россией во Всемирное наследие номинирована Убсунурская котловина – объект природного наследия, который имеет также сакральное значение и основания рассматриваться как культурный ландшафт, однако в Кратких описаниях объектов Всемирного наследия этот аспект не учтён. Из монгольских номинаций долина реки Орхон (2004) – официально признанный культурный ландшафт, представляющий особенности кочевого уклада жизни монгольских скотоводов,

---

¹ Священная гора Тайшань (номинация 1987г.), гармонично вписанная в окружающий ландшафт, на протяжении примерно 2 тыс. лет являлась важнейшим культовым объектом; Гора Лушань в провинции Цзянси (номинация 1996г.) – один из духовных центров китайской цивилизации, где проповедовали самые выдающиеся мыслители буддизма, даосизма и конфуцианства, а культовые сооружения этих религий гармонично сочетаются с красотами окружающей их природы; Гора Эмэйшань (номинация 1996г.), где еще в I в. был сооружен первый буддийский храм в Китае, а с течением веков здесь появились и другие храмы, в результате чего гора стала одной из главных святынь буддизма. Наиболее примечательна статуя «Большой Будда» в Лэшани, вырезанная прямо в скале в VIII в., и изображающая Будду, смотрящего вниз на место слияния трех рек. Район Эмэйшань ценен и своей разнообразной растительностью, которая варьирует от вечнозеленых субтропических лесов до субальпийских сосняков. Некоторые из местных деревьев имеют возраст более тысячи лет. Горы Уишань (номинация 1999г.) - самая ценная территория в пределах всего Юго-Восточного Китая с точки зрения биоразнообразия, убежище для большого числа реликтовых видов животных, многие из которых признаны китайскими эндемиками. Живописная «Река девяти излучин», с ее знаменитыми высокими песчаниковыми останцами, многочисленными храмами и монастырями, многие из которых ныне разрушены, послужила некогда местом зарождения и очагом распространения неоконфуцианства – учения, которое оказывало влияние на культуру Восточной Азии начиная с XI в.

² В качестве примера можно назвать Остров Миядзима во Внутреннем Японском море, вместе с расположенным на нем святилищем Ицукусима (номинация 1996г.) - священное место синтоизма начиная, вероятно, с VI в. Существующее в наши дни святилище датируется XIII в., выделяется контрастом своих красок и форм на фоне гор и моря, и служит иллюстрацией японской концепции живописной красоты, которая объединяет творчество природы и творения человека. Другой пример - Священные места и дороги паломников в горах Кии (номинация 2004г.) Три священных места – Йошино-Омайи, Кумано-Санзан, и Койясан – расположены посреди густых лесов в горах Кии, протягивающихся на юге острова Хонсю. Они связаны между собой паломническими дорогами, ведущими в сторону древних столиц – Нара и Киото. Территория имеет площадь около 500 га, и включает прекрасный окружающий горно-лесной ландшафт, с изобилием рек, ручьев и водопадов.

который включает в себя также религиозные центры и иные сакральные места, семантически связанные с кочевым пастушеским образом жизни.

Следует подчеркнуть, что первые два объекта всемирного культурного наследия, официально отнесённые к культурным ландшафтам (1993-94г.г.), были именно сакральными и, кроме того, этнографическими. Это «Национальный парк Тонгариро» в Новой Зеландии и «Национальный парк Улуру-Катаюта» в Австралии – их ведущей культурной ценностью стали священные для местных племён горные массивы. Одним из последних официально признанных культурных ландшафтов, который следует отнести к сакральным, стала в 2005г. «Священная роща Осун-Осогбо» - реликтовый массив влажнотропического леса со множеством святилищ и культовых объектов, посвященных богам народа йоруба в Нигерии.

Для биосферных исследований и концепций интерес представляют именно сакральные ландшафты, поскольку только на уровне целостного территориального комплекса возможно проследить воздействие этнических и конфессиональных табу на поведение человека в природе и определённые типы природопользования, табуированность поведения является способом означения сакрального статуса территории, что как правило включает запреты и ограничения на широкий спектр действий, включая присвоение природных ресурсов, сезонность их использования, размещение поселений. В контексте Севильской стратегии особый интерес будут представлять исторические сакральные ландшафты, сохраняющие свои исторические функции благодаря традиционному укладу жизни местного населения и конфессиональной преемственности. Сакральные места и, соответственно, сакральные ландшафты традиционных культур как правило приурочены к неординарным природным феноменам и местоположениям – очагам природного разнообразия. Табуирование поведения и хозяйственных практик в таких местах способствует поддержанию природного разнообразия, служит архаичным способом охраны сакрализованной природы (ссылки). Сакральные ландшафты могут выполнять роль своеобразных общинных заповедников, при этом роль и функции их гораздо шире, чем только охрана природной территории. Если о прямом природоохранном эффекте от наличия сакральных мест говорится достаточно много, то опосредованное их воздействие явно недооценивается.

Через сакрализацию ландшафта воспроизводятся и поддерживаются определённые этические и моральные нормы взаимоотношений с природой, с кормящим ландшафтом, с окружающей средой. Соответственно насильственное детабуирование их статуса в процессе промышленного освоения или урбанизации выводит из строя не только некий набор присущих территории ценностей, но разрушает устои домостроя в традиционном сообществе, что транслируется на гораздо более обширные пространства. Функция «сотрудничества» для биосферных резерватов, базирующаяся на безусловном признании системы табу местного сообщества, обеспечивает исполнение функции «охраны». Сакральное пространство, поддерживаемое духовными навыками и практиками, является особого рода матрицей, фиксирующей этические и моральные императивы традиционных сообществ. Императивы, которых так не хватает современному глобализированному обществу, которые признаны мировой ценностью - наследием, но не признаны как стратегия жизни. Задача биосферных резерватов в отношении к сакральным ландшафтам – претворить систему ценностей замкнутого традиционного сообщества в стратегию развития территории, то есть дать этому наследию новую жизнь в рамках биосферной концепции, сохраняя тем самым и природное, и культурное разнообразие.

Культурное разнообразие, будучи во многом обусловленным природными факторами, становится в свою очередь фактором поддержания природных ценностей. Для народов азиатской части России, культура которых неразрывно связана и исходит из традиций природопользования, характерна интенсивная сакрализация пространства, одухотворение всех значимых для жизни природных конкретностей. Это приводит к формированию сакральных ландшафтов, даже если в них не предусмотрены специальные

ритуальные сооружения и конструкции. Это отсутствие, или неприязнательность, или немногочисленность материальных сакральных меток объясняет сложность идентификации такого ландшафта. Получается, что аборигены Сибири и Дальнего Востока живут в сакральном ландшафте, что подтверждается самими этими аборигенами в процессе проводимых исследователями опросов (Священные места..., Гомбоев...). Для этих народов не столь важны внешние формы и конструкции, сколько морально-этический регламент общения с одухотворяемой природой, поэтому историко-культурная ценность их сакральных объектов длительное время либо не признавалась, либо идентифицировалась как памятники археологии. Однако основная ценность подобных объектов заключается именно в духовном плане, в морально-этических нормах поведения аборигенного населения по отношению к природным компонентам ландшафта. Это живое культурное наследие и оно не эквивалентно набору ритуальных элементов, не сводимо к внешней атрибутике. Именно поэтому сакральные ландшафты так важны для поддержания природного разнообразия.

Функциональное зонирование биосферных резерватов с выделением заповедных ядер, буферных зон и зон сотрудничества давно стало общепризнанным и, можно сказать, классическим приёмом организации территории. По отношению к сакральным местам и ландшафтам применение подобного принципа также весьма актуально, ведь такие территории являются своеобразными заповедными ядрами, только в культурной среде. Зонирование сакральных территорий относится к числу основных направлений их охраны, зафиксированных в UNESCO/IUCN Working Guidelines for the conservation and management of Sacred Natural Sites. Биосферные резерваты могут послужить хорошим инструментом для воплощения идеи зонирования применительно к сакральным ландшафтам. Биосферные резерваты России служат опорными исследовательскими полигонами, где внедряются и разрабатываются научные методы и концепции, включая ведение мониторинга окружающей среды. Творческое взаимодействие научных подходов и традиционного знания на примере сакральных ландшафтов в границах биосферных резерватов имеет наибольшую вероятность состояться и получить развитие. Синкретизм науки и системы традиционных ценностей, воплощённых в традиционном знании, открывает новые перспективы для поддержания природно-культурного разнообразия, а также информационного потенциала, обеспечивающих экологическую устойчивость среды (Т. Petrova, Т. Semenova, L. Bogoslovskaya).

В биосферных резерватах азиатской части России пока не уделяется достаточного внимания сакральным местам и ландшафтам, равно как и их роли в поддержании определённых природных ценностей и зависимости от природных условий. Так исторически сложилось, что биосферные резерваты России были образованы на месте природных заповедников, в задачи которых подобные аспекты не входили и которые в силу своей ведомственной принадлежности не имели возможностей уделять этим вопросам достаточно внимания. Кроме того, конфиденциальность, сокровенность сакральных мест хранит их от широкой известности. Тем не менее, практически во всех резерватах, где рядом или в их границах присутствует местное население и поддерживается традиционный образ жизни, велика вероятность наличия сакральных мест и сакральных ландшафтов.

Исходя из основных функций биосферных резерватов перспективы расширения их сети надо связывать не только с заповедниками и национальными парками, но также с территориями традиционного природопользования, создание которых не получило развития ввиду слабости правового обеспечения, но которые концептуально наиболее близки целям сохранения природного разнообразия, культурного разнообразия и полноценного сбалансированного развития. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования» (2002) относит их к особо охраняемым природным территориям федерального уровня, что позволяет создавать на их базе биосферные резерваты. Правоприменительная практика этого закона практически отсутствует, однако

не стоит исключать возможность использования этой формы охраны для защиты сакральных мест и ландшафтов. Другая, пока не получившая широкого развития форма охраны – достопримечательные места, предусмотренные федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002) как вид объектов культурного наследия. К достопримечательным местам в соответствии с законом могут быть отнесены как природные ландшафты, так и культурные ландшафты и места совершения религиозных обрядов. Достопримечательные места могут быть объявлены историко-культурными заповедниками.

В научной литературе, материалах международных форумов и опубликованных международных проектов тематика выявления и сохранения сакральных мест представлена довольно умеренно, однако интерес к ней усилился в последние несколько лет. В азиатской части России сакральные ландшафты следует рассматривать в ряду ключевых элементов наследия и как важный фактор выполнения задач биосферных резерватов. За Уралом единичны архитектурные шедевры, немногочисленны исторические города, нет дворцово-парковых ансамблей, претендующих на исключительность. Традиционная культура, археология и индустриальная история – основные составляющие культурного наследия и культурного разнообразия, поэтому сакральным ландшафтам принадлежит значимая роль в формировании культурного имиджа этого региона. Наиболее изученными, судя по числу работ, являются ненцы и буряты, именно с этими этносами связаны также исследования, имеющие ландшафтную направленность. Кроме того, существуют исследования по священным местам манси, эвенков, телеутов, алтайцев, хакасов, орочей, нивхов, якутов, нганасанов, чукчей (библиография). Если пространственная иерархия сакральных мест восходит от индивидуального, семейного и родового уровня до этнического, конфессионального и поликонфессионального (межэтнических), то существует и географическая иерархия сакральных ландшафтов – от урочищ и местностей до ландшафтных районов и провинций. Так, священная гора Белуха на Алтае соответствует примерно уровню ландшафтной местности, а котловина священного озера Байкал (объект всемирного наследия) – группе ландшафтных районов или провинции.

В частности, проведены исследования, выявлены и картированы священные места в отдельных районах Ямало-Ненецкого и Корякского автономных округов (Священные места Арктики..., 2004). Предложен алгоритм описания таких мест, в котором весомая роль отводится флористическим и фаунистическим характеристикам местности. Результаты картирования показывают исключительно высокую насыщенность территории сакральными объектами, часть из которых попадает в границы особо охраняемых природных территорий – Гыданского заповедника в Ямало-Ненецком округе и Корякского – в Корякском АО. Отмечается взаимосвязь между сохранностью биocenотического покрова, богатством биоты и сакральным статусом территорий. Наблюдаемое безудержное развитие ресурсодобывающих отраслей при экологически безграмотном преобразовании территорий производит эффект опустынивания – нарушаются экологические связи, снижается биоразнообразие, уничтожаются священные места, население лишается традиционных ресурсов – средств к существованию, утрачиваются культурные традиции. Приходится признать, что существующая правоприменительная практика не нацелена на сохранение сакральных ландшафтов и в этих условиях миссия биосферных резерватов весьма значительна, поскольку развитие их сети и концептуальная база могут содействовать сохранению этих феноменов природно-культурного разнообразия и способствовать актуализации их роли для целей сбалансированного развития.

На северо-восточных окраинах страны, в тундровых, лесотундровых, северотаёжных и приморских экосистемах, где природа особенно хрупка и продукция экосистем нестабильна, сакрализация пространства непосредственно связана с вопросами выживания коренного населения. Именно здесь большинство обжитых локусов

пространства имеет тот или иной сакральный оттенок и можно сказать, что вся природа сакрализована. Этот фактор оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на биоразнообразие и состояние популяций хозяйственно значимых видов, что подтверждают этнографические и экологические исследования (библиография). Генетическая память о культовых местах и священных территориях продолжает служить мотивацией к действиям даже тогда, когда эти участки земли искажаются или преобразуются в ходе урбанизации и промышленного освоения – место является объектом почитания и не может быть перемещено, даже если изменились его физические параметры. Проявления сакральности могут быть неоднозначными. Так, наряду с «хорошими» локусами ландшафта, пребывание в которых или рядом с которыми переживается позитивно, существуют и «плохие» места, пребывание в которых может навлечь беду и которые избегаются, тем самым даже негативный статус места может обеспечивать станции покоя для определённых видов биоты. Сложная структура взаимоотношений малых народностей Севера с окружающим миром определяет необходимость применения культурно-ландшафтных принципов исследования для определения роли сакрального в биосферных процессах, в частности – в биосферных резерватах. Планируемый национальный парк «Берингия» мог бы стать в перспективе репрезентативной ландшафтной моделью взаимосвязи природных и культурных ценностей и способов устойчивого существования природно-культурных систем (Богословская).

В ландшафтном аспекте интересны исследования Баргузинской долины в районе Байкала, посвященные культовым местам различных этносов и вероисповеданий (Гомбоев Б.Ц.) Наиболее многочисленным этносом, сохраняющим традиции сакрализации пространства, здесь являются буряты, культуре которых свойственен синкретизм шаманизма и буддизма, что сказывается на формах сакрализации ландшафта, на взаимоотношениях с природным окружением культового места. У бурят широко распространён культ «духов местности», между которыми поделена вся Баргузинская долина на зоны сакрального влияния, внутри таких зон происходит последующее членение пространства, окормляемого «духами» более локального уровня. Многие сакральные места и обычаи восприняты бурятами от эвенков. Местопребыванием духов, влияющих на жизнь сообщества, служат ландшафтные топосы – горы, скалы, реки, рощи, острова и пр. В ряде случаев сакральные места образуют сложно структурированный культурный ландшафт: священную гору «охраняют» по периферии священные же камни, у её подножия бьют священные лечебные источники, а окаймляет подножие священный лесной массив. От центра к периферии сакрального ландшафта система табу меняется и постепенно ослабевает, что аналогично смене режимов в различных зонах биосферных резерватов. Табу распространяются на посещение, состав посетителей, добычу ресурсов, поведение - ритуальные действия и т.д. Сакральный статус пространства поддерживается семиотикой культовых сооружений – обо, коновязей, ступ и пр. Очевидна приуроченность их к пограничным локусам пространства – перекрёсткам, переправам, перевалам. В отличие от природного ландшафта, в сакральном культурном ландшафте даже отдельный камень может иметь ландшафтообразующее значение, поскольку зона его табуированного влияния может быть сопоставимой с ландшафтной категорией и влиять на основные биогенные процессы в границах этой категории (в частности, запрет на охоту, рыбалку, добычу растительного сырья и др.). В книге Гомбоева Б.Ц. подробно изложен процесс сакрализации пространства Баргузина и сопутствующие культовые практики, имеющие в ряде случаев большое природоохранное значение, но постепенно утрачивающие свою регулирующую роль под влиянием глобализации и распространением маргинальных форм поведения, избавленных от понятия «священного».

В России образовано более 40 биосферных резерватов, из которых 15, то есть менее половины, находятся в её доминирующей по площади азиатской части. В азиатской же части находятся ареалы компактного проживания около полусотни коренных народов,

преимущественно малочисленных, принадлежащих семи языковым семействам, каждый из которых имеет собственные космогонические представления, культовые практики, набор сакрализованных взаимоотношений с природой и кормящим ландшафтом, сакральные места. Существующие биосферные резерваты размещаются в ареалах проживания только 12 народов Сибири и Дальнего Востока (табл.), при этом нахождение в ареале ещё не означает наличие этнокультурной и сакральной значимости мест их размещения – данный вопрос требует исследования. Оценивая репрезентативность существующих биосферных резерватов с точки зрения этнического представительства (культурного разнообразия) можно отметить следующее: сеть биосферных резерватов азиатской части России не репрезентативна в отношении её культурного разнообразия и не может в современном её виде служить базой развития концепции сотрудничества и привлечения традиционного знания для поддержания природного разнообразия – эта сеть должна быть существенно расширена.

Таблица

Биосферные резерваты азиатской России	Коренные народы в границах ареала
Байкальский	буряты
Баргузинский	буряты, эвенки
Даурский	-
Дальневосточный морской	-
Катунский	казахи, алтайцы, теленгиты
Кедровая Падь	-
Командорские острова	алеуты
Кроноцкий	-
Саяно-Шушенский	алтайцы, тувинцы
Сихотэ-Алиньский	удыгейцы
Сохондинский	-
Таймырский	нганасаны, ненцы, энцы
Убсунурская котловина	тувинцы
Ханкайский	-
Центрально-Сибирский	кеты

Существующие биосферные резерваты азиатской России образованы на месте государственных природных заповедников, создававшихся там, где население либо отсутствовало, либо было выселено, либо поставлено в условия элиминации. Чтобы восстановить сакральный статус ландшафта, необходимы обширные этнографические исследования и работа с живущими поблизости старожилами и аборигенами – носителями традиционных знаний. Сеть биосферных резерватов целесообразно дополнить национальными парками и иными формами охраняемых территорий, в которых сохранились и поддерживаются сакральные места и ландшафты аборигенных культур, возможно развитие сотрудничества и продуктивное взаимодействие традиционного сакрального и научного материалистического знания, а также трансляция результатов в системы образования и просвещения. Так, особое внимание сакральным ландшафтам уделяют в Тункинском национальном парке в Забайкалье (Занданова), природном парке Нумто в Ханты-Мансийском АО (Зенько, Шульгин), планируемом национальном парке Берингия на Чукотке (рукописные материалы Л.С.Богословской).

Биосферные резерваты азиатской России сосредоточены в приграничных зонах (за исключением) – у южных государственных границ и материковых границ на севере и востоке. Южные границы – горные территории с высоким уровнем биоразнообразия, восточные и северные – преимущественно экотоны побережий, приморских и горных ландшафтов – также отличаются исключительным биотическим богатством. Центральная часть азиатской России представлена в биосферных резерватах крайне недостаточно даже при признании того факта, что уровень биоразнообразия здесь

будет меньшим и плотность охраняемых территорий может быть меньшей. В отношении этнокультурного разнообразия южное приграничье России оказалось нерепрезентативным – коренное население на значительных пространствах было выселено для обеспечения государственной безопасности и заменено на мигрантов. Это с очевидностью демонстрирует Карта народов России и прилегающих стран (ссылка). Для повышения этнокультурного разнообразия сети биосферных резерватов, непосредственно взаимосвязанного с сакрализацией пространства, необходимо наметить план расширения их сети в центральной части с учетом как имеющихся охраняемых территорий, так и существующих ареалов компактного проживания населяющих эти территории многочисленных малочисленных народностей Сибири и Дальнего Востока.

Биосферные резерваты стали рассматриваться для целей сохранения традиционного образа жизни и практики природопользования (включая сакральную деятельность) аборигенного населения, сохранения традиционных знаний, поддержания находящихся под угрозой качеств природной и культурной среды и обеспечения продуктивного взаимодействия между природным и культурным разнообразием. Стратегия биосферных резерватов включила в число своих методологических оснований актуальное представление об идентичности культуры природным условиям её месторазвития. Несомненна близость концепции культурного ландшафта к целям и задачам биосферных резерватов. В этой связи перспективы развития сети биосферных резерватов азиатской части России связаны также с расширением их научно-исследовательских программ и включением в них тематики по изучению культуры проживающих в них и соседствующих народов, включая культовые места и ландшафты; с изучением традиционного знания коренных и старожильческих народов и внедрением его позитивных основ в природоохранную практику и в управление территориальным развитием.

Литература

- Алексеев А.А.* Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-западного Верхоянья). Якутск: КИФ «СИТИМ», 1993. 95 с.
- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сеньявина. М.: Наука, 1982. 176 с.
- Богословская Л.С.* Традиционные поселения и культовые памятники морских охотников Чукотского полуострова // Берингия – мост дружбы. Материалы междн. конф. Томск: Изд-во ТПУ. 2006. С. 27-30.
- Богословская Л.С., Крупник И.И., Вдовин Б.И.* Коренные народы Российской «Берингии» // Тропюю Богораза. М.: Институт Наследия. 2007. С. 207–2
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культовые места (XIX- начало XX века). Новосибирск. 1986.
- Гомбоев Б.Ц.* Культовые места Баргузинской долины. Москва - Улан-Удэ. 2006.- 287с. (Сибирь: этносы и культуры. Вып. 10)
- Зайцева И.В., Интигринова Т.П., Протопопова И.В.* Этноэкологические традиции народов севера Баргузинской долины. Улан-Удэ. 1999.
- Занданова Б.А.* Культовые места как элементы культурных ландшафтов (на примере национального парка «Тункинкий»). Автореф. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук. Улан-Удэ – 2007. 21с.
- Значение охраны священных мест Арктики: Исследование коренных народов Севера России. – М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2004. 184с.
- Краткие описания объектов Всемирного наследия. *Перевод Р.Крогиуса, Н. Максаковского.* www.heritage.unesco.ru
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 136с.

- Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А.Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
- Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Москва-Иркутск. 2002.
- Харючи Г.П. Культурные места ненцев – священные ландшафты // Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск – Екатеринбург. 2002.
- Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ. 2001.
- Шульгин П.М. Практика охраны этнокультурных ландшафтов: на примере территории российского Севера // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. –с.576-587
- Bogoslavskaya L.S. 1994. Methods and approaches to the integration of Traditional Knowledge. // Int. Sem. Integration of Indigenous Peoples Knowledge. Reykiavik. Pp. 67-71.
- Biosphere reserves: The Seville Strategy and the Statutory Framework of the World Network. UNESCO, Paris, 1996
- Conserving cultural and biological diversity: The Role of Sacred Natural Sites and Cultural Landscapes. Proceedings of the Tokyo Symposium 30 May – 2 June 2005. UNESCO-MAB publishing, Paris 2006. – 341p.
- Ken Taylor and Kirsty Altenburg Genius of the place: (re)presenting cultural landscapes, World Heritage listing, and intangible values. Making spaces into places in Asia // Conserving cultural and biological diversity: The Role of Sacred Natural Sites and Cultural Landscapes. Proceedings of the Tokyo Symposium 30 May – 2 June 2005. UNESCO-MAB publishing, Paris 2006. – p.216-223
- Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. 2004.
- Tatiana Petrova, Tamara Semenova Integration of Scientific and Local Knowledge in the Protection of Sacred Sites in the Russian Arctic. Paper presented at Millennium Assessment Conference (March 17-19, 2004 Alexandria, Egypt)
- UNESCO/IUCN Working Guidelines for the conservation and management of Sacred Natural Sites // Conserving cultural and biological diversity: The Role of Sacred Natural Sites and Cultural Landscapes. Proceedings of the Tokyo Symposium 30 May – 2 June 2005. UNESCO-MAB publishing, Paris 2006. – 326-331

Адрес для корреспонденции

Марина Евгеньевна Кулешова
Институт Наследия
Россия, 115560 Москва, ул. Космонавтов, дом 2
culturalandscape@mail.ru